

В Е С Т Н И К

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9
Выпуск 3

2015
Сентябрь

ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Аркадьев П. М., Шлуинский А. Б.</i> Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии.....	4
<i>Голово Е. В.</i> Система пространственной ориентации в алеутском языке.....	25
<i>Горбов А. А.</i> Атрибутивные компоненты сочетаний типа «бизнес-план»: аналитические прилагательные?	36
<i>Даугавет А. Д.</i> Развитие лексических и грамматических значений латышского глагола <i>tikt</i>	49
<i>Донина Л. Н.</i> «Парциальные основы» имен существительных в «Летописце Еллинском и Римском»	60
<i>Дымарский М. Я.</i> Аспектуальность как категория высказывания.....	70
<i>Иванова Е. Ю.</i> Артиклевая система болгарского языка в работах Ю. С. Маслова и в современных концепциях.....	84
<i>Кузьменко Ю. К.</i> Лексическая передача саамских способов действия в саамско-шведском пиджине XVIII века.....	98
<i>Мокиенко В. М.</i> Фразеологическое наследие Ю. С. Маслова и развитие его идей.....	109
<i>Найдич Л. Э., Павлова А. В.</i> Русский глагольный вид в его связях с переводом.....	118
<i>Николенко О. Ю.</i> К вопросу о разграничении синонимии и формальной вариативности наименований родства	129
<i>Новик А. А.</i> Лексика болгарской мифологии: ареальные этнолингвистические исследования в полилингвальном регионе Приазовья.....	138
<i>Славкова С.</i> Использование глагольных времен при выражении общефактического значения НСВ в болгарском языке.....	153

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2015

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2015

<i>Храковский В. С.</i> Несовершенный вид: опыт интерпретации частных значений.....	169
<i>Чуйкова О. Ю.</i> Некоторые особенности выражения значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации, в русском языке.....	179

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Гринфельд В. А. (Соболь В.)</i> Формат литературной рецензии в современной общественно-политической прессе	190
<i>Мельник Н. Д.</i> История создания журнала «Мир искусства»	203
<i>Пронин А. А.</i> Диегетический нарратор в документальном фильме-портрете	216

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ №ФС77-36048
от 22 апреля 2009 г. (Роскомнадзор)

Ответственный редактор журнала «Вестник СПбГУ»
канд. биол. наук *Н. А. Гуляева*

Редактор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать ответственным редактором серии 11.03.2015.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 165 экз. Заказ № 44
Адрес Издательства: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. Участок оперативной полиграфии.
199004, С.-Петербург, Волховский пер., 3.

Е. Ю. Иванова

Артиклевая система болгарского языка в работах Ю. С. Маслова и в современных концепциях¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье показан вклад Ю. С. Маслова в исследование артиклевой системы болгарского языка. Ю. С. Маслов первым в болгаристике дал комплексную типологическую характеристику болгарского определенного артикля, раскрыв ее на фоне типологической специфики болгарского языка. До сих пор актуальными являются и наблюдения Ю. С. Маслова над функциями болгарских артиклей. В статье показаны закономерности артиклевой маркированности именных групп через призму референциального подхода (прежде всего в концепции Е. В. Падучевой). Многие ранние формулировки Ю. С. Маслова, пусть и в других терминах, с очевидностью соотносимы с концептуальными положениями современных референциальных теорий. Библиогр. 33 назв.

Ключевые слова: болгарский язык, типологическая характеристика болгарского языка, артиклевая система, референция, Ю. С. Маслов.

THE ARTICLE SYSTEM IN BULGARIAN IN THE WORKS OF YURI MASLOV AND CONTEMPORARY THEORIES

Elena Yu. Ivanova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The paper sums up Yuri Maslov's contribution into the studies of the Bulgarian article system. Yu. Maslov was the first researcher of Bulgarian to provide a comprehensive typological description of the Bulgarian definite article proceeding from the typological specificity of Bulgarian. Yu. Maslov's observations on the functions of the Bulgarian articles are relevant up to date. The paper discloses the principles of the use of the article in noun phrases in terms of the referential theory (within the conceptual framework of Elena Paducheva). A number of earlier ideas of Yu. Maslov, if put into the current terms, are clearly related to the conceptual insights of contemporary referential theories. Refs 33.

Keywords: Bulgarian, typological description of Bulgarian, article system, reference, Yuri Maslov.

Вопросы, связанные с системой артиклей болгарского языка, не входили в круг наиболее значимых для Ю. С. Маслова лингвистических интересов. Тем не менее его сжатые обзоры болгарской артиклевой системы [1], соответствующие разделы в грамматиках болгарского языка [2; 3] и краткие типологические очерки, например [4], содержат важные выводы о характере грамматических оппозиций в рамках категории определенности/неопределенности, о морфологическом статусе болгарского определенного артикля, а также проницательные наблюдения над реализацией артиклевых показателей в тексте.

Далее будут представлены теоретические взгляды Ю. С. Маслова на систему артиклей болгарского языка и сопоставление их с концепциями современных болгаристов. В рамках последней задачи будет предложено наше видение закономерностей артиклевой маркированности именных групп в болгарском языке в терминах референциальной концепции Е. В. Падучевой.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-04-00580а «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира».

1. О типологической специфике болгарского языка и болгарского определенного артикля

Ю.С. Маслов первым в болгаристике дал комплексную типологическую характеристику болгарского определенного артикля [1; 5]. Особенности болгарской артиклевой системы предстают в работах Ю.С. Маслова как иллюстрация разнонаправленной типологической специфики болгарского языка: «В типологическом отношении современный болгарский язык представляет картину своеобразного соединения черт нескольких разных и даже противоположных структурных типов. Последовательный аналитизм в сфере выражения синтаксических связей имени существительного сочетается с широким использованием чисто синтетических форм в системе глагола; обильные черты классического флективно-фузионного типа совмещаются с более или менее явными агглютинативными тенденциями; во многих частных подсистемах грамматического строя и даже в отдельных конструкциях и в отдельных морфемах разнородные типологические характеристики переплетаются тем или иным образом, создавая порой неожиданные комбинации» [1, с. 181–182].

Для прояснения грамматической специфики болгарского языка Ю.С. Маслов считал крайне важным [1, с. 182] определение типологических индексов, подобных тем, которые были вычислены Дж. Гринбергом [6]. Заметим, что такие типологические индексы для болгарского языка позже были подсчитаны, однако именно ввиду разнонаправленности явлений, отраженных в болгарских морфологии и морфосинтаксисе, они продемонстрировали, как выразился Й. Линдстедт, «несколько гибридный характер болгарского языка» и «относительный характер результатов при типологических исследованиях» [7, с. 17]. Так, индекс синтетизма современного болгарского языка, полученный Й. Линдстедтом, оказался даже выше, чем для староболгарского языка². Ср. некоторые его индексы для новоболгарского языка в сравнении со староболгарским (по данным, полученным ранее В. Коугиллом) и русским языками:

индекс синтетизма (M/W): новоболг. 2,50 / ст.-б. 2,29;

или, по обратной формуле, индекс аналитизма (W/M): новоболг. 0,40 / ст.-б. 0,44;

индекс морфосинтаксического аналитизма («индекс изоляции», по Дж. Гринбергу) (O/N): новоболг. 0,63 / ст.-б. 0,41 / рус. 0,51;

индекс чистого словоизменения (Pi/N): новоболг. 0,04–0,07³ / ст.-б. 0,33 / рус. 0,32;

индекс согласования (Co/ N): новоболг. 0,29–0,34 / ст.-б. 0,26 / рус. 0,17.

² Эти статистические данные были подвергнуты критике и пересчитаны известным болгарским лингвистом-типологом Г. Герджиковым, который получил для болгарского языка индекс синтетизма 1,9 (число, которое, возможно, более соответствует общему представлению о степени болгарского аналитизма), но прямое сопоставление его результатов с приводимыми здесь индексами было бы неправомерно, поскольку Г. Герджиков использовал для расчета индекса синтетизма не привычную формулу M/W — количество морфов/морфем на количество слов (Г. Герджиков считал, что она показывает лишь степень полиморфемности слова), а количество граммем на количество слов (см. обоснование такого подсчета и другие показатели в [8]).

³ Разброс связан с тем, что Й. Линдстедт приводит данные по четырем разным текстовым пробам [7, с. 13–16].

Значительную роль в относительно высоких синтетических показателях болгарского языка на уровне морфологии сыграл ряд факторов, на которых мы сейчас останавливаться не будем (см. о них в [5, с. 166, 193; 9, с. 50–52; 10] и др.). Из них отметим морфологизацию новых грамматических значений в тех условиях, когда возможность переноса грамматической информации на служебные слова ограничена, поэтому новые показатели присоединяются синтетическим путем — как, например, при образовании форм пересказа с помощью грамматического маркера *-л*. Ср. соответственно непересказывательные и пересказывательные формы 3 л. ед. ч.: *пишеше* → *пишел*, *ще пише* → *щял да пише*, в том числе прибавление показателя пересказа *-л* к служебным элементам аналитических форм, уже содержащих морфему *-л* в иных ее категориальных значениях: *щеше да е писал* — *щял да е писал*, *щял е да е писал* → *щял бил да е писал* [9, с. 307]. Поэтому в значительной части глагольных форм грамматические значения выражаются синтетически или смешанным синтетически-аналитическим способом [11, с. 298–299].

Синтетическим способом присоединяется и постпозитивный определенный артикль — морфема, которая значительно повышает показатель синтетически образуемых форм и при этом неоднозначным образом взаимодействует с формой слова. Не случайно Ю. С. Маслов уделял этому артиклю особое внимание во всех работах, посвященных проблемам общего языкознания, прежде всего вопросам структуры слова и сущности морфемы.

«Для типологической оценки члена, — отмечал Ю. С. Маслов, — важно выяснить ряд вопросов, связанных (I) с отношением члена не только к обслуживаемому им знаменательному слову, но и к соответствующему словосочетанию и (II) с характером семантической нагруженности члена и его морфемным строением» [1, с. 183].

Решая первый вопрос и исходя из того, что артикль при развертывании сочетания всегда присоединяется к концу первого слова именной группы, ученый определяет его как «подвижную флексию» [5], как «типичный групповой оформитель, единый и недублируемый грамматический элемент, обслуживающий все это [атрибутивное] сочетание» [1, с. 183]: *гората* — *зелената гора* — *хубавата зелена гора* ('красивый зеленый лес').

Второй вопрос связан с понятиями синтетосемии и гаплосемии. Болгарский определенный артикль представлен у Ю. С. Маслова как элемент синтетосемичного типа, т. е. одновременно содержащий показатели нескольких грамматических значений: *гори* → *горите*, *ум* → *умът*, *ваи* → *вашият*, *ваша* → *вашата*, *ваше* → *вашето*, *ваши* → *вашите*. Так, в артикле *те* (*горите*) выражаются значения определенности и мн. ч., в артикле *ѝ / ѝт* (*ума*, *умът*) — м. р. и ед. ч., и происходит это дублирующим образом, так как артиклевые составляющие повторяют часть информации, содержащейся в окончании, причем ряд артиклей несет информацию и о частеречной принадлежности слова.

Гаплосемичным, выражающим только значение определенности, Ю. С. Маслов считает лишь вариант *-та* (безударный), который присоединяется к окончанию *-а* независимо от рода, числа и части речи. См. его же примеры: «...сущ. в ед. ч. *гората* (ж. р.), *слугата* (м. р.), *пияницата* (общ. р.), во мн. ч. *рогата* (м. р.), *селата* (ср. р.); прилагат. *новата* (ед. ч. ж. р.), *късметлията* (безродов.); числит. *двата* (м. р.), *тристата* (безродов.)» [1, с. 187].

Приводим общую типологическую характеристику постпозитивного артикля с точки зрения синтеза, по Ю. С. Маслову:

- принцип соединения напоминает классическую агглютинацию;
- однако другие особенности указывают скорее на фузионный характер синтеза: преимущественная синтетосемия, «асемантический» тип присоединения (*синът* ('сын') — *бащата* ('отец') — *дядото* ('дед'))⁴, лишь в отдельных случаях артикль выбирается в зависимости от числа и рода существительного) [1, с. 188].

Как видим, выводы ученого о специфике болгарского определенного артикля убедительно иллюстрируют его тезис о том, что в болгарском языке имеет место наложение разнородных типологических характеристик.

2. О морфеме — инварианте разнообразных формальных показателей определенности

В статье [1, с. 186–187] Ю. С. Маслов описывает 13 вариантов болгарского определенного артикля:

-та (*гора* — *гората*, *поля* — *полята*), -то (*поле* — *полето*), -те (*гори* — *горите*), -та́ (*радост* — *радостта́*), -те́ (*пет* — *петте́*);

[ѣт], [ѣ]: *под* — *подѣт*, *пода*;

[јѣт], [јѣ]: *бой* — *бојат*, *бој*;

[іјѣт], [іјѣ]: *нов* — *новият*, *новия*; *български* — *българският*, *българския*;

[іј], [ј] (устар. и поэт.): *белий*, *българский*.

Такое количество вариантов связано, во-первых, с выделением супрасегментных средств выражения грамматических значений — например, безударного *та* и ударного *та́* (*гората* и *радостта́*), безударного *те* и ударного *те́* (*горите* и *петте́*), во-вторых, с включением устаревших форм и, в-третьих, с вычленением особого расширенного варианта артикля для частей речи, выступающих в роли согласованных определений, ср. *нов* — *новият*, *новия* выше в отличие от *български* — *българският*, *българския*.

В последующих работах Ю. С. Маслов отказывается от учета морфем-операций, а также нелитературных и архаических форм, поэтому список вариантов грамматических показателей определенности значительно уменьшается и в целом приближается к тем основным пяти⁵, что выделяют и болгарские лингвисты — ср., по И. Куцарову [9, с. 452], носители значения «определенность» [*ѣт*], [*ѣ*], *та*, *то*, *те*, а именно: м. р. — [*ѣт*], [*ѣ*] (орфографически *ѣт*, *а*, *јат*, *я*), *та*, *то*; ж. р. — *та*; ср. р. — *то*; мн. ч. — *те*, *та*.

⁴ Для имен на гласный при выборе артикля действует принцип фонетической аналогии («вокальной гармонии» — см., например, [12]). Этот выбор, однако, осуществляется всего лишь из двух возможных вариантов для каждого числа: имена в ед. ч., заканчивающиеся на -о, -е, получают артикль *то*, на -а, -я — артикль *та*; имена во мн. ч., заканчивающиеся на -и, -е, получают артикль *те*, на -а, -я — артикль *та*. Заметим, что далеко не все болгарские лингвисты согласны отдавать (теоретическое) предпочтение в правилах выбора артикля фонетическому принципу перед морфологическим.

⁵ На диалектном уровне вариантов больше, см., например, последнее исследование [13, с. 148–159].

Синтетосемия в концепции Ю. С. Маслова может быть представлена как в морфеме, так и в элементе, допускающем дальнейшее морфемное членение, т. е. в сложном не только по значению, но и по морфемной структуре. Болгарский артикль он относит ко второму случаю, хотя признает, что линейная морфемная структура артикля представляется очень нечеткой, расплывчатой. В большинстве его вариантов можно выделить гапloseмичный элемент [t], носитель значения определенности, но в некоторых вариантах он отсутствует. Поэтому Ю. С. Маслов приходит к выводу, что «инвариантом является не тот или иной отрезок звучания, а только самый факт постпозиции члена» [1, с. 187]. Эту мысль ученый проводит в нескольких своих работах по общему языкознанию, приводя пример болгарского артикля как выражающего определенность именно своей постпозицией. Таково же его мнение и об артиклях румынского, албанского и скандинавских языков, не имеющих общего звукового отрезка. И, наоборот, этим болгарский язык отличается от македонского, где всегда возможно выделить сегментную морфему [t] наряду с сериями на [n], [v]: *морето (мореве, морено), синот, новиот*.

Современные болгарские лингвисты не разделяют мнения Ю. С. Маслова о постпозиции артикля как инвариантном показателе, считая морфему [t], входившую в состав бывшего указательного местоимения, историческим маркером определенности, инвариантом, частично утраченным в истории языка и потому не во всех случаях эксплицированным. См. подробный обзор концепций болгарских и зарубежных болгаристов о статусе и функциях определенного артикля в [9, с. 407–451].

3. О статусе неопределенного артикля *един*

Основным носителем значения неопределенности в болгарском языке является нулевой артикль в составе немаркированной формы. Поэтому статус лексемы *един* как артикля долгое время в болгарском языкознании вообще отрицался. Для признания его места в артиклевой системе болгарского языка⁶ многое сделали зарубежные болгаристы, в частности С. Б. Бернштейн и Ю. С. Маслов, а также те болгарские лингвисты, которые в сопоставительных работах показали, что функции болгарского *един* близки функциям неопределенных артиклей других языков (например, М. Грозева [14], Х. Стаменов [15], Т. Райчева [16] и др.).

Лингвистическая эрудиция Ю. С. Маслова, прекрасное знание им артиклевых западных языков позволили отметить и истолковать основные особенности болгарского неопределенного артикля, хотя эти наблюдения не всегда облечены у автора в теоретические формулировки.

В грамматике болгарского языка 1981 г. Ю. С. Маслов характеризует следующие основные функции *един* как неопределенного артикля [3, с. 161–163, перевод его же]:

---

⁶ Артиклевый статус *един* до сих пор не является однозначно принятым — см., например, позицию виднейшего болгарского морфолога И. Куцарова, который склонен считать, что категория определенности/неопределенности в болгарском языке строится на формально-семантической привативной оппозиции: формы для выражения неопределенности не маркированы, а выражающие определенность — маркированы [9, с. 452], но при этом И. Куцаров допускает и структурирование данной категории как трехчленной [9, с. 453].

- подчеркивание значения неопределенности: *Какво искаш от една жена, която не обичаш!* (Елин Пелин) ‘Чего ты хочешь от женщины, которую не любишь!’;
- указание на среднего представителя класса: *Вълчицата мишкуваше — най-недостойния лов на един вълк* (Й. Йовков) ‘Волчица ловила мышей — вид охоты, самый недостойный для волка’;
- значение исключительности, «эминентности»: *Една чистота, един ред — да се замаеш!* ‘Ну и чистота, ну и порядок — просто диву даешься!’;
- при переходе имен собственных в нарицательные: *Той беше надарен и с гласа на един Стентор*. ‘Он был одарен и голосом Стентора’; ...*Както пишеше дори един Пенчо Славейков* ‘...Как писал даже такой человек, как Пенчо Славейков’⁷.

Идея Ю. С. Маслова о факультативности основной функции неопределенного артикля на фоне нулевого («подчеркивание значения неопределенности») и их частой заменимости оказалась в ряду тех крайне немногочисленных теоретических положений ученого, которые не имеют отклика у современных болгарских исследователей.

Использование референциального подхода к объяснению артиклевой маркированности позволило уточнить правила постановки болгарских артиклей и сопоставить их с данными других артиклевых языков [15; 18; 19; 29; 21 и др.]; см. и обзор других работ этого плана в [19; 9]. В настоящее время, начиная с исследований В. Станкова [18] и Х. Стаменова [15], доказано, что по крайней мере в одном типе референциальных употреблений — при специфически неопределенных именных группах (далее ИГ) — *един* выступает как регулярный морфологический показатель. Так, при разборе знаменитых в теории референции примеров с английским неопределенным артиклем (таких, как пример из [22] ниже) было показано [15; 18; 19], что при переводе их на болгарский язык употребляется неопределенный артикль *един* в случае трактовки ИГ как специфически неопределенной (вариант а) и нулевой артикль — в случае ее трактовки как неспецифически неопределенной⁸ (вариант б):

John wants to marry a girl with green eyes

- (а) Джон иска да се ожени за едно момиче със зелени очи
‘Джон хочет жениться на одной девушке с зелеными глазами’;
- (б) Джон иска да се ожени за момиче със зелени очи
‘Джон хочет жениться на девушке с зелеными глазами’.

⁷ Специфические и разнообразные функции *един* при именах собственных — область, до недавнего времени не разработанная в болгаристике; см., однако, диссертацию, защищенную в СПбГУ в 2013 г. [17], где, в частности, функции *един* в примерах, подобных приведенным выше, получили иную теоретическую трактовку.

⁸ Референциальная терминология в современной болгарской лингвистике соотносится прежде всего с концепцией Дж. Лайонза [22] или близка ей (см., например, упомянутые работы В. Станкова). Поскольку далее будет использована референциальная сетка Е. В. Падучевой, уточним здесь некоторые терминологические параллели. Специфически неопределенные ИГ соответствуют слабоопределенным ИГ в терминах Е. В. Падучевой [23], а область неспецифической неопределенности охватывает те употребления, которые в концепции Е. В. Падучевой распределяются в разные группы: неопределенно-референтные и нереферентные. Нереферентные же ИГ Дж. Лайонза, лишь приписывающие признак объекту, — это, по сути, предикатные употребления.

При этом вариант (а) однозначен, но вариант (б), по мнению ряда лингвистов, не исключает в принципе возможной трактовки ИГ как относящейся к конкретному объекту (см., например, [15, с. 36; 24, с. 6]).

И в других референциальных типах, как мы увидим далее, неопределенный и нулевой артикли не являются свободно заменимыми: на фоне нормативного использования нулевого артикля в нереферентных и предикатных употреблениях *един* становится тонким инструментом для создания особых прагматически, семантически и коммуникативно маркированных значений.

Описание болгарского языкового материала недостаточно эффективно при использовании только указанных выше референциальных групп. Удачным оказалось совмещение референциальных характеристик ИГ с иными признаками, как это сделано, например, в работах [18; 25]. Не останавливаясь более на значительных достижениях болгарской лингвистики в этой области, покажем преимущества референциальной системы Е. В. Падучевой для описания основных правил постановки артиклей.

4. Артиклевая маркированность ИГ разных денотативных статусов в болгарском языке

Далее покажем закономерности артиклевой маркированности болгарских ИГ, представленные в уже доказавшей свою эффективность классификации денотативных статусов ИГ Е. В. Падучевой [23, с. 86–102] (ограниченность объема статьи заставляет опустить основные положения данной теории).

1. Субстантивные ИГ

1.1. Референтные ИГ различаются прагматическим компонентом: индивидуализируют объект с разной степенью осведомленности говорящего и слушающего.

1.1.1. Для **определенных ИГ** (предмет определен и для говорящего, и для слушающего — дейктически, ситуационно или составляет фонд общих знаний) основным артиклевым показателем является определенный артикль: *Момичето си седеше кротко на столчето*. ‘Девочка смирно сидела на табуретке’; *Момичетата си тръгнаха вече*. ‘Девочки уже ушли’; *Извикай децата да вечеряме*. ‘Позови детей ужинать’.

Данное правило работает в любой синтаксической позиции. Заметим, что Ю. С. Маслов был, по-видимому, одним из первых, кто обратил внимание на то, что даже именная часть сказуемого оформляется артиклем в тех случаях, когда она является, в современной терминологии, определенно-референтной — ср. пример, где он сравнивает употребление определенного артикля при существительном *сокол* и нулевого при существительном *момче* (что маркирует соответственно определенно-референтное и предикатное употребления): *Аз съм соколът, що ме ти хвана, но се превръщам; аз съм наистина момче*. ‘Я — [тот самый] сокол, которого ты поймала, но я превращаюсь; на самом деле я — мальчик’ (перевод его же) [3, с. 157].

К определенно-референтным употреблениям относятся и ИГ при так называемой количественной определенности, соответствующей, по выражению Ю. С. Маслова, «полному охвату некоторого множества, обозначенного формой множественного числа имени существительного» [3, с. 156]. В иных терминах это

правило выражено В. Станковым: для постановки определенного артикля при указании множества признак «идентифицированность» недостаточен, должен наличествовать и признак «тотальность» [26]. Так, в примере *От 5 до 25 юли ученици от Гимназията по електроника в Кърджали ще бѣдат на стаж по програма «Еразъм»* существительное *ученици*, употребленное без определенного артикля, указывает на неполный охват множества ('часть учеников гимназии' / 'ученики из гимназии'), в то время как использование артиклевой формы *учениците* подчеркнуло бы целостность множества ('все ученики гимназии') или, возможно, замкнутость предупомянутого множества ('все те ученики гимназии, о которых шла речь'), что в контексте данного предложения является менее вероятной трактовкой.

Наличие определенного артикля при вещественных именах указывает на полный охват вещества — ср. *Той сложи захарта в кафето си* 'Он положил весь сахар в кофе.' — *Той сложи захар в кафето си* 'Он положил сахар в кофе.'

1.1.2. Для слабоопределенных ИГ (предмет определен только для говорящего) артикль *един* является системным морфологическим маркером [20, с. 26]: *Кой се обади?* — *Една колежка*. *Ти не я познаваш* 'Кто звонил?' — *Одна колега*. *Ты ее не знаешь?*; *Получих едни пари, които отдавна чаках* 'Я получил деньги, которые давно ждал'; *Тогава работехме у едни хора в съседното село...* 'Тогда мы работали у одних людей в соседней деревне...'

1.1.3. В неопределенно-референтных ИГ (предмет не определен ни для говорящего, ни для слушающего) возможны оба показателя неопределенности. В типичном случае используется нулевой артикль. Это такие тривиальные рематические позиции, как финальное рематическое подлежащее либо прямое дополнение, вводящие новый объект, а также комплексная рема — ср. соответственно: *От къщата излезе жена* 'Из дома вышла женщина'; *Някъде откъм гората той чу писъци* 'Откуда-то со стороны леса он услышал крики'; *Детето чете книга* 'Ребенок читает книгу'.

Акцентное выделение неопределенных ИГ в норме тоже оформляется нулевым артиклем, потому что обращено к сигнификату слова, активизируя признаковые компоненты смысла: *Жена* √ *беше се изпречила на пътя им, хубава жена, а всичко това не предвещаваше нищо добро* (Й. Йовков); 'Женщина √ встала на их пути, красивая женщина, и все это не предвещало ничего хорошего'. Неопределенно-референтный статус имеют и рематические ИГ в художественной коммуникативной стратегии «суперпозиция ремы» [27], выводящей на сцену новый объект. Они тоже обычно оформлены нулевым артиклем, ведь они — и рематические, и акцентированные: *Лек хладец* √ *попѣли по кожата ѝ* 'Легкий холодок √ пополз по ее коже'; *Отворих кухненския шкаф и в същия миг петнайсет тенджери* √ *се изсипаха с трясък върху цимента* (В. Цонев) 'Я открыл кухонный шкаф, и в тот же миг пятнадцать кастрюль √ с грохотом вывалились на цемент'.

Неопределенный артикль *един* используется при неопределенно-референтном употреблении в двух основных случаях.

1) Для понижения коммуникативной или информативной значимости именного выражения: *Той влезе в един двор малко да си почине*. 'Он зашел в какой-то двор, чтобы немного передохнуть'; *В стаята влезе едно дете, което постоя малко и си отиде*. 'В комнату вошел [какой-то] ребенок, постоял немного и ушел'.

При реализации стратегии «суперпозиция ремы» употребление *един* указывает на отстраненность восприятия эмпатического персонажа, его неготовность к появлению нового объекта: *Една жена* \ стоеше на пътя им, хубава жена. 'Какая-то женщина \ стояла на дороге, красивая женщина'.

2) Как «рефлексирующее» *един* — лексема, которая отражает некатегоричность, условность предлагаемой номинации. Это употребление характерно для предикатных ИГ (см. ниже), но появляется и при «суперпозиции ремы»: *Едно надмощие* \, *едно мъжко надмощие* \ личеше във всяко негово движение (Елин Пелин) '[Какое-то / некое] Превосходство \, мужское превосходство \ ощущалось в каждом его движении'.

1.2. **Нереперентные ИГ** не соотносятся с конкретными объектами, т. е. объекты мыслятся как существующие, но не индивидуализированные.

1.2.1. В **экзистенциальных ИГ** (объект не выбран из представленного или абстрактного множества — экстенционала общего имени) употребляются не столько артикли, сколько лексические показатели (неопределенности, всеобщности, дистрибутивности). Но если говорить только о случаях артиклевой маркированности, то, несомненно, практически вся область экзистенциальной нереперентности находится в ведении нулевого артикля: *Тя иска да се омъжи за швед* 'Она хочет выйти замуж за шведа'; *Искам да послушам хубава музика* 'Я хочу послушать хорошую музыку'; *Той се нуждаеше от учител и не можеше да го намери* (З. Златанов) 'Он нуждался в учителе и не мог его себе найти'.

Употребление *един* связано в следующем примере с подчеркиванием значения «один из многих возможных» [28]: *Измислете за утре вечер едно хубаво заведение с музика*. 'Подберите на завтрашний вечер какой-нибудь приличный ресторан с музыкой'.

Далеко не каждый контекст позволяет очертить такую ситуацию выбора. Если именное выражение обращено ко всему экстенционалу понятия без суживающих его значение характеристик, то ИГ с *един* либо получает экземплифицирующее значение (*Ако поканиш един чужденец на вечеря и трябва да му сервираш нещо типично българско, какво би избрал?* 'Если пригласишь, например, иностранца на ужин и хочешь угостить его чем-то типично болгарским, что бы ты выбрал?'), либо прибавление *един* поменяет статус ИГ на референтный: *Предприятието търси една чистачка*. Последнее предложение может быть истолковано только как со слабоопределенной или неопределенно-референтной ИГ: 'Предприятие разыскивает одну / какую-то уборщицу', либо как с числительным *един*: 'Предприятию требуется одна уборщица'.

1.2.2. В **универсальных ИГ**, поскольку предполагается отсылка ко всему множеству денотатов, используется (если отсутствуют другие кванторы всеобщности) определенный артикль «полного охвата»: *Конете ядат сено* 'Лошади едят сено'.

1.2.3. **Родовые ИГ** подразумевают эталонного представителя класса. При родовых употреблениях используется несколько артиклей:

а) определенный артикль ед. ч. в генерическом значении в классифицирующих высказываниях: *Заякът е животно* 'Заяц — животное'; *Млякото е полезно* 'Молоко полезно';

б) неопределенный артикль *един* для указания на эталонного представителя класса: *Един ръководител е длъжен да уважава подчинените си* 'Руководитель

(настоящий руководитель) должен уважать подчиненных»; *Един мъж може да започне всичко отначало и на четиридесет години, но една жена — не може* (С. Стратиев) 'Мужчина может начать все заново и в 40 лет, но женщина — не может';

в) нулевой артикль; в родовых ИГ он имеет периферийный статус, так как его употребление связано с некоторым ограничением класса, неполным его охватом [29; 30], что выражается в ограничивающих род признаках (далее подчеркнуты): *Превозвачът има правото да откаже превоз на [пътник, който не е изпълнил тези изисквания]*. 'Перевозчик имеет право отказать [пассажиру, который не выполнил эти требования]'; *[Нередовен пътник] заплаща, освен цената на билета, и глоба* '[Безбилетный пассажир] платит, кроме стоимости билета, и штраф'.

Нулевой артикль используется и при ИГ в функции несогласованного определения характеризующего типа: *За какво ти е тяло на атлет, в което дреме душа на кретен?* (В. Даверов) 'Зачем тебе тело атлета, в котором душа кретина?'. Поскольку такие употребления представляют собой скрытое сравнение, приписывающее признак объекту, их можно трактовать и как имеющие сдвоенный — родовой и предикатный — денотативный статус.

1.2.4. В атрибутивных ИГ объект хотя и не является индивидуализированной сущностью, но уже введен в рассмотрение (известен из общего фонда знаний, текстовой предупомянутости) и обладает презумпцией единственности. Это оказывается достаточным условием для употребления определенного артикля в болгарском языке, ср. *престъпника* (с кратким артиклем м. р. а): *Никой от жителите на блока не е видял престъпника* 'Никто из жителей дома не видел преступника'.

2. В предикатных ИГ, приписывающих признак, нормой является употребление нулевого артикля: *Тя е счетоводителка* 'Она бухгалтер'; *Той се оказа лъжец* 'Он оказался лжецом'; *Вечеринката беше направилa от селското момиче фея* (В. Колев) 'Вечеринка сделала из деревенской девушки фею'. См. и обзор предикатных позиций у Ю. С. Маслова [3, с. 156–157].

Некатегоричность, субъективность осуществляемой автором таксономии отражается в постановке «рефлексирующего» *един*, с помощью которого обыгрываются различные нюансы в самом акте выделения в класс, подчеркивается индивидуально-авторская интерпретация класса. *Един* обретает сравнительно-уподобительное значение: *Казват, че всяко заминаване е едно умирање* (Б. Райнов). 'Говорят, что каждый отъезд — это своего рода смерть'. Присоединение *един* здесь маркирует нетривиальность таксономии, отсутствие автоматизма при подведении под понятийный класс. В русском языке на месте такого *един* используются соответствующие эквиваленты, которые служат оговоркой о необычности номинации или указывают на последующее уподобление (*так сказать, своеобразный, своего рода, что-то вроде, этакий* и под.). Ср. и другие возможные варианты перевода: *Бракът ни се оказа едно малко корабкрушение* (Б. Райнов) 'Наш брак чем-то напоминает маленькое кораблекрушение' (пер. А. Собковича). См. подробнее об этой функции *един* в [31, с. 38–40].

Другие значения *един* в предикатных ИГ — менее грамматические, менее «артиклевые», приближающие *един* к интенсифицирующей частице, они были в свое время описаны Ю. С. Масловым (см. выше).

Предикатно употребленными могут быть и ИГ с определенным артиклем. В основном это «специфицирующие» контексты, когда предполагается вычленение единичного или особенного в рамках общего [32, с. 41]. Определенный артикль сопровождает суперлативы и лексемы единичности и исключительности (*главният, първият, последният*): *Тангото е единственият танц, при който си позволявам да разговарям* (М. Радев) ‘Танго — единственный танец, при котором я позволяю себе разговаривать’. Это создает грамматическую омонимию с определенно-референтными группами — см. подробнее в [33].

Таким образом, Ю. С. Маслов первым в болгаристике дал комплексную типологическую характеристику болгарского определенного артикля, раскрыв ее на фоне типологической специфики болгарского языка. Ю. С. Масловым предложена развернутая система артиклевых показателей определенности и произведен их анализ с точки зрения как морфемной структуры и семантической нагруженности, так и линейно-синтагматических характеристик. Работы Ю. С. Маслова, описывающие функции болгарских артиклей, содержат новаторские для своего времени идеи и наблюдения. Многие из них получили отклик и развитие в современных исследованиях и актуальны до сих пор. Сформулированные Ю. С. Масловым закономерности артиклевой маркированности, пусть и в других терминах, с очевидностью соотносимы с рядом концептуальных положений современных референциальных теорий.

Литература

1. Маслов Ю. С. Членные формы болгарского литературного языка с точки зрения лингвистической типологии // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971. С. 181–188.
2. Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956. 292 с.
3. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981. 408 с.
4. Маслов Ю. С. Към типологическата характеристика на българския език // Език и литература. 1981. № 5. С. 6–9.
5. Маслов Ю. С. О морфологических средствах современного болгарского языка // Учен. зап. ЛГУ. № 156. Сер. филол. наук. Вып. 15: Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. Л.: ЛГУ, 1952. С. 155–193.
6. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III. С. 60–94.
7. Линдстедт Й. Един цялостен подход към анализизма на българския език // Българистични изследвания: Първи българо-скандинавски симпозиум (24–30 септември 1979 г.). София, 1981. С. 12–18.
8. Герджиков Г. Тенденция към анализизъм — определение, метод за измерване, причини, следствия // Съпоставително езикознание. 1983. № 5. С. 46–55.
9. Куцаров И. Теоретична граматика. Пловдив, 2007. 638 с.
10. Буров С. По въпроса за славянската специфика на съвременната българска граматика // Време и история в славянските езици, литератури и култури. Т. 1: Езикознание. София, 2012. С. 13–20.
11. Гешев В. Анализизъм, безпадежност, изолация, деграматикализация // Български език. 1990. Кн. 4. С. 293–306.
12. Александров А. Вокална хармония при членуването на съществителните имена в българския език // Помагало по българска морфология. Имена. Шумен, 1998. С. 215–219.
13. Гаравалова И. Членуването на съществителните имена в българските говори. София, 2014. URL: http://www.abcdar.com/magazine/IV/Garavalova_1314-9067_IV.pdf. (дата обращения: 12.07.2015).
14. Грозева М. Употребата на словоформата «един» за изразяване на неопределеност в българския език, съпоставена с употребата на неопределителния член в немския език // Съпоставително езикознание. 1979. Кн. 5. С. 13–21.

15. Стаменов Х. За употребата на «един» като показател за неопределеност в българския език (в сравнение с английски) // Език и литература. 1985. № 3. С. 33–38.
16. Рачева Т. За употребата на «един» в българския език и неопределителния член в немския език при генеричен подлог в начална позиция // Съпоставително езикознание. 1989. Кн. 2. С. 17–20.
17. Лазарева В. А. Референциальный аспект функционирования имени собственного (на материале болгарского, русского и итальянского языков): автореф. канд. дис. СПб.: СПбГУ, 2013. 24 с.
18. Станков В. За категорията неопределеност на имената в българския език // Български език. 1984. Кн. 3. С. 195–205.
19. Станков В. Семантични особености на категорията неопределеност на имената в българския език // Проблеми на граматичната система на българския език. София, 1995. С. 87–150.
20. Станков В., Иванова М. За неопределените именни синтагми, изразяващи специфичност / неспецифичност // Български език. 1989. Кн. 1. С. 14–28.
21. Лакова М., Гаргов Г. За категорията «определеност / неопределеност» като семантико-прагматична категория // Език и литература. 1985. № 2. С. 32–40.
22. Lyons J. Semantics. Vol. 1. Cambridge, 1977. 371 p.
23. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985. 288 с.
24. Ухлиржова Л. Българското «един» като експонент на неопределена референтност (в съпоставка с руския и чешкия език) // Съпоставително езикознание. 1992. № 6. С. 5–15.
25. Ницолова Р. Българска граматика: Морфология. София, 2008. 524 с.
26. Станков В. За семантичния инвариант на определителния член в българския език // Български език. 1987. Кн. 1–2. С. 70–76.
27. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001. 384 с.
28. Зидарова В. Неопределителното местоимение «един» — семантика и контекст // Юбилейна научна сесия: Сборник доклади. 8–10 ноември 1996. Пловдив, 1996. С. 154–159.
29. Хауге Х. Опит за тълкуване на генеричната употреба на «един» в българския език // Международен конгрес по българистика. II: Доклади. София, 1986. С. 442–446.
30. Станков В. Особенности на генеричната употреба на детерминаторите за определеност/неопределеност в българския език // Български език. 1988. Кн. 2. С. 99–106.
31. Иванова Е. Ю. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. София, 2009. 336 с.
32. Илиева К. Биноминативни изречения и прагматика. Пловдив, 1996. 127 с.
33. Иванова Е. Ю. Артиклевая маркированность предикативной именной группы в болгарском предложении: грамматика и семантика // Славяноведение. 2006. № 1. С. 86–91.

References

1. Maslov Yu. S. Chlennyye formy bolgarskogo literaturnogo iazyka s tochki zreniia lingvisticheskoi tipologii [Articled forms of the Bulgarian literary language from the point of view of linguistic typology]. *Issledovaniia po slavianskomu iazykoznaniiu. Sbornik v chest' shestidesiatiletiia professora S. B. Bernshteina* [Studies in Slavic linguistics. The Festschrift on the 60th anniversary of Prof. S. B. Bernshtein]. Moscow, 1971, pp. 181–188. (In Russian)
2. Maslov Yu. S. *Ocherk bolgarskoï grammatiki* [A sketch of the Bulgarian grammar]. Moscow, 1956. 292 p. (In Russian)
3. Maslov Yu. S. *Grammatika bolgarskogo iazyka* [Grammar of the Bulgarian language]. Moscow, 1981. 408 p. (In Russian)
4. Maslov Yu. S. Küm tipologicheskata kharakteristika na bŭlgarskiia ezik [Towards the typological characteristics of the Bulgarian language] *Ezik i literatura* [Language and literature]. 1981, no. 5, pp. 6–9. (In Bulgarian)
5. Maslov Yu. S. O morfologicheskikh sredstvakh sovremennogo bolgarskogo iazyka [On the morphological means of modern Bulgarian]. *Uchen. zap. LGU, no. 156. Ser. filol. nauk. Vyp. 15. Voprosy grammaticheskogo stroia i slovarnogo sostava iazyka* [Proceedings of LSU, no. 156. Series in philology, issue 15. Issues in the grammatical system and vocabulary structure of language]. Leningrad, LGU, 1952, pp. 155–193. (In Russian)
6. Grinberg Dzh. Kvantitativnyĭ podkhod k morfologicheskoi tipologii iazykov [A quantitative approach to the morphological typology of language]. *Novoe v lingvistike. Vyp. III* [New in linguistics. Issue III]. Moscow, 1963, pp. 60–94. (In Russian)

7. Lindstedt Ī. Edin tsialosten podkhod kŭm analitizma na bŭlgarskiia ezik [A holistic approach to the analyticity of Bulgarian]. *Bŭlgaristichni izsledvaniia: Pŭrvi bŭlgaro-skandinavski simpozium (24–30 septemvri 1979 g.)* [*Bulgarian studies: The first Bulgarian-Scandinavian symposium (24–30 September 1979)*]. Sofia, 1981, pp. 12–18. (In Bulgarian)
8. Gerdzhikov G. Tendentsiia kŭm analitizŭm — opredelenie, metod za izmervane, prichini, sledstviia [Tendency to analyticity — definition, method of measurement, causes, consequences]. *Sŭpostavitelno ezikoznanie* [*Contrastive linguistics*], 1983, no. 5, pp. 46–55. (In Bulgarian)
9. Kutsarov I. *Teoretichna gramatika* [*Theoretical grammar*]. Plovdiv, 2007. 638 p. (In Bulgarian)
10. Burov S. Po vŭprosa za slavianskata spetsifika na sŭvremennata bŭlgarska gramatika [Regarding the issue of the Slavic specificity in the modern Bulgarian grammar]. *Vreme i istoriia v slavianskite ezitsi, literaturi i kulturi. T.1: Ezikoznanie* [*Time and history in the Slavic languages, literatures and cultures. Vol. 1: Linguistics*]. Sofia, 2012. (In Bulgarian)
11. Geshev V. Analitizŭm, bezpadezhnost, izolatsiia, degramatikalizatsiia [Analyticity, caselessness, isolation, degrammaticalisation]. *Bŭlgarski ezik* [*The Bulgarian language*], 1990, book 4, pp. 293–306. (In Bulgarian)
12. Aleksandrov A. Vokalna kharmoniia pri chlenuvaneto na sŭshtestvitelnite imena v bŭlgarskiia ezik [Vowel harmony in the articulated forms of nouns in Bulgarian]. *Pomagalo po bŭlgarska morfologiia. Imena* [*Study guide in the Bulgarian morphology. Nominals*]. Shumen, 1998. (In Bulgarian)
13. Garavalova I. *Chlenuvaneto na sŭshtestvitelnite imena v bŭlgarskite govori* [*The use of articles with nouns in Bulgarian dialects*]. Sofia, 2014. Available at: http://www.abcdar.com/magazine/IV/Garavalova_1314-9067_IV.pdf (accessed: 12.07.2015) (In Bulgarian)
14. Grozeva M. Upotrebata na slovoformata «edin» za izraziavane na neopredelenost v bŭlgarskiia ezik, sŭpostavena s upotrebata na neopredelitelniia chlen v nemskiia ezik [The use of the word form *edin* to express indefiniteness in Bulgarian, in contrast with the use of the indefinite article in German]. *Sŭpostavitelno ezikoznanie* [*Contrastive linguistics*], 1979, book 5, pp. 13–21. (In Bulgarian)
15. Stamenov Kh. Za upotrebata na «edin» kato pokazatel za neopredelenost v bŭlgarskiia ezik (v sravnenie s angliiski) [On the use of *edin* as the indefiniteness marker in Bulgarian]. *Ezik i literatura* [*Language and literature*], 1985, no. 3, pp. 33–38. (In Bulgarian)
16. Racheva T. Za upotrebata na «edin» v bŭlgarskiia ezik i neopredelitelniia chlen v nemskiia ezik pri generichen podlog v nachalna pozitsiia [On the use of *edin* in Bulgarian and the indefinite article in German with the generic subject at the initial position]. *Sŭpostavitelno ezikoznanie* [*Contrastive linguistics*], 1989, book 2, pp. 17–20. (In Bulgarian)
17. Lazareva V. A. *Referentsial'nyi aspekt funktsionirovaniia imeni sobstvennogo (na materiale bolgarskogo, russkogo i ital'ianskogo iazykov)*. Avtoref. kand. diss. [*The referential aspect of functioning of the proper noun (based on the data from Bulgarian, Russian and Italian)*]. Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2013. 24 p. (In Russian)
18. Stankov V. Za kategoriiata neopredelenost na imenata v bŭlgarskiia ezik [On the category of the indefiniteness of nominals in Bulgarian]. *Bŭlgarski ezik* [*The Bulgarian language*], 1984, book 3, pp. 195–205. (In Bulgarian)
19. Stankov V. Semantichni osobenosti na kategoriiata neopredelenost na imenata v bŭlgarskiia ezik [Semantic peculiarities of the category of the indefiniteness of nominals in Bulgarian]. *Problemi na gramatichnata sistema na bŭlgarskiia ezik* [*Issues in the grammatical system of Bulgarian*]. Sofia, 1995, pp. 87–150. (In Bulgarian)
20. Stankov V., Ivanova M. Za neopredelenite imenni sintagmi, izraziavashti spetsifichnost / nespetsifichnost [On indefinite nominal syntagms expressing specificity/non-specificity]. *Bŭlgarski ezik* [*The Bulgarian language*], 1989, book 1, pp. 14–28. (In Bulgarian)
21. Lakova M., Gargov G. Za kategoriiata «opredelenost / neopredelenost» kato semantiko-pragmatichna kategoriia [On the category of definiteness/indefiniteness as a semantic-pragmatic category]. *Ezik i literatura* [*Language and literature*], 1985, no. 2, pp. 32–40. (In Bulgarian)
22. Lyons J. *Semantics*. Vol. 1. Cambridge, 1977. 371 p.
23. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu. Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [*Utterance and its correspondence with reality. The referential aspects of the semantics of pronouns*]. Moscow, 1985. 288 p. (In Russian)
24. Ukhliirzhova L. Bŭlgarskoto «edin» kato eksponent na neopredelena referentnost (v sŭpostavka s ruskiia i cheshkiia ezik) [Bulgarian *edin* as an exponent of the indefinite reference (in contrast with Russian and Czech)]. *Sŭpostavitelno ezikoznanie* [*Contrastive linguistics*], 1992, no. 6, pp. 5–15. (In Bulgarian)
25. Nitsolova R. *Bŭlgarska gramatika: Morfologiia* [*Bulgarian grammar: Morphology*]. Sofia, 2008. (In Bulgarian)

26. Stankov V. Za semantichnii invariant na opredelitelniia chlen v bŭlgarskiia ezik [On the semantic invariant of the indefinite article in Bulgarian]. *Bŭlgarski ezik [The Bulgarian language]*, 1987, book 1–2. (In Bulgarian)
27. Ianko T. E. *Kommunikativnye strategii rusскої rechi [Communicative strategies in the Russian speech]*. Moscow, 2001. 382 p. (In Russian)
28. Zidarova V. Neopredelitelnoto mestoimenie «edin» — semantika i kontekst [Indefinite pronoun *edin* — semantics and context]. *Iubileina nauchna sesiia: Sbornik dokladi. 8–10 noemvri 1996 [Commemorative academic meeting: Proceedings. 8–10 November 1996]*. Plovdiv, 1996. (In Bulgarian)
29. Khaughe Kh. Oпит za tŭlkuvane na generichnata upotreba na «edin» v bŭlgarskiia ezik [An essay on interpretation of the generic use of *edin* in Bulgarian]. *Mezhdunaroden kongres po bŭlgaristika. II. Dokladi [International congress of Bulgarian studies. II. Proceedings]*. Sofia, 1986, pp. 442–446. (In Bulgarian)
30. Stankov V. Osobnosti na generichnata upotreba na determinantite za opredelenost/neopredelnost v bŭlgarskiia ezik [Peculiarities of the generic use of determiners to express definiteness/indefiniteness in Bulgarian]. *Bŭlgarski ezik [The Bulgarian language]*, 1988, 2. (In Bulgarian)
31. Ivanova E. Yu. *Sopostavitel'naia bolgarsko-ruskaia grammatika. T. 2: Sintaksis [Contrastive Bulgarian-Russian grammar. Vol. 2: Syntax]*. Ed. by Stefana Dimitrova. Sofia, 2009. 336 p. (In Russian)
32. Ilieva K. *Binominativni izrecheniia i pragmatika [Binominative sentences and pragmatics]*. Plovdiv, 1996. 127 p. (In Bulgarian)
33. Ivanova E. Iu. Artiklevaia markirovannost' predikativnoї imennoї gruppy v bolgarskom predlozhenii: grammatika i semantika [Article marking of the predicative noun phrase in the Bulgarian sentence: grammar and semantics]. *Slavianovedenie [Slavic studies]*, 2006, no. 1, pp. 86–91. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2015 г.

Контактная информация

Иванова Елена Юрьевна — доктор филологических наук, профессор; eli2403@yandex.ru
Ivanova Elena Yu. — Doctor of Philology, Professor; eli2403@yandex.ru